

Мастер-класс по тому, как можно соединить огромный канон академических исследований и восхитительное увлекательное повествование.

*Элисон Уэйр, писательница, автор книг
«Королевы завоеваний», «Елизавета Йоркская»,
«Леди Элизабет»*

Проза Гривстуд такая же обольстительная, как и ее предмет. Будьте готовы влюбиться!

Wall Street Journal

Гривстуд увлекательно освещает разницу между романтикой и реальной политикой.

The Times

Захватывающе и завораживающе.

*Кейт Уильямс, историк, автор книг
«Young Elizabeth: The Making of the Queen»,
«The Betrayal of Mary, Queen of Scots»*

Куртуазная любовь разбивается о жестокость политики, и мы получаем захватывающую – и разбивающую сердце! – историю о женщинах королевской семьи, попавших в ловушку...

New York Times Book Review

Одна из самых важных книг, которые были написаны о Тюдорах в последние годы.

*Трейси Борман, историк, писательница,
автор книги «Частная жизнь Тюдоров»*

Замечательный анализ того, как династия Тюдоров использовала «стильную и стилизованную игру» куртуазной любви... восхитительные дополнительные детали раскрывают личные связи между историческими личностями. Свежий и манящий взгляд на столь тщательно изученную династию.

Publishers Weekly

ТЮДОРЫ

Любовь —и— Власть

*Как любовь
создала и привела к закату
самую знаменитую
династию
Средневековья*

САРА ГРИСТВУД

КоЛибри
МОСКВА

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)511
Г85

Sarah Gristwood
THE TUDORS IN LOVE:
The Courtly Code Behind the Last Medieval Dynasty

Перевод с английского Анны Филосян

Дизайн обложки Алексея Коннова

Гриствуд С.
Г85 Тюдоры: Любовь и Власть. Как любовь создала и привела к закату самую знаменитую династию Средневековья / Сара Гриствуд ; [пер. с англ. А. Филосян]. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. – 544 с. ; ил.

ISBN 978-5-389-22774-3

История Тюдоров – это история власти и любви. Основатель династии, король Генрих VII, использовал легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, чтобы обосновать свои притязания на корону. Генрих VIII считал куртуазную любовь оправданием своей бурной брачной жизни. Когда на престол взойдет его дочь Елизавета, куртуазная любовь сыграет особую роль в ее женской монархии.

Исследовательница Сара Гриствуд рассказывает историю о том, как любили Тюдоры – самая знаменитая династия Средневековья. Осада Замка любви и рыцарские турниры, кодекс куртуазной любви и романтическая традиция о Гвиневре – все это легло в основу власти Тюдоров и пронизало эпоху, в которую они жили. Это эпоха, которую определяли пылкие сердца принцев и поэтов, фрейлин и королев.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)511

ISBN 978-5-389-22774-3

© Sarah Gristwood, 2021
© Филосян А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
КоЛибри®

Содержание

Пролог	9
Предисловие	15

ЧАСТЬ I. ИСТОКИ

1. Кретьен, графиня и капеллан: XII в.	31
2. Реальная политика и «Роман о Розе»: XIII в.	54
3. Комедия, Чосер и Кристина: XIV в.	67
4. Ланкастер: 1400–1461 гг.	88
5. Йорк: 1461–1485 гг.	97

ЧАСТЬ II. 1485–1525 гг.

6. «Вовсе не покорный»: 1485–1502 гг.	125
7. «Жениться на той, кого выберет»: 1502–1509 гг.	141
8. «Сэр Верное сердце»: 1509–1515 гг.	158
9. «Мое сердце и разум»: 1515–1525 гг.	181

ЧАСТЬ III. 1525–1536 гг.

10. «Возлюбленная моя и друг мой»: 1525–1527 гг.	205
11. «Наша желанная цель»: 1527–1533 гг.	228

12. «Самая счастливая»: 1533 – ранняя весна 1536 г. 250
13. «Запятнанная королева»: апрель – май 1536 г. 265

ЧАСТЬ IV. 1536–1558 гг.

14. «Мое верное, честное и любящее сердце»:
1536–1540 гг. 283
15. «Сердце мое замирает»: 1540–1547 гг. 304
16. «Постыдная клевета»: 1547–1553 гг. 324
17. «Муж может делать многое»: 1553–1558 гг. 339

ЧАСТЬ V. 1558–1584 гг.

18. «Узнать будущего короля»: 1558–1563 гг. 359
19. «Сытость и пресыщение»: 1563–1575 гг. 377
20. «Против моей природы»: 1575–1584 гг. 397

ЧАСТЬ VI. 1584–1603 гг.

21. «Песенку ей старую поет»: 1584–1587 гг. 421
22. «Холодная любовь»: 1587–1590 гг. 435
23. «Замешательство и противоречия»: 1590–1599 гг. 454
24. «Привязанность фальшива»: 1599–1603 гг. 481

- Послесловие 496
Приложение. Множество лиц Гвинеvры 500
Благодарности 510
Примечания и дополнительная литература 513

Пролог

Ристалище, Йорк-хаус, 2 марта 1522 года

Празднества по случаю Прощеного вторника¹ были тематическими – посвященными теме сердца. Пульсирующее, незащищенное, пронзенное множество раз – этот символ встречался везде и всюду.

Граф Девонширский и лорд Рус сражались на турнирах в костюмах из белого бархата с вышитым сердцем, поделенным надвое цепью. Вышивку обрамляла надпись «Сердце мое между отрадой и болью». Энтони Кингстон и Энтони Книвет облачались в пунцовый атлас с изображением сердца, окаймленным голубым кружевом и золотой надписью «Мое сердце связано». Одевание Николаса Дэррела из черного атласа было усеяно сердцами, поверженными наземь или разорванными на куски, а вышитый серебряными буквами девиз гласил: «Мое сердце разбито». Однако наибольшее значение для эпохи имело лишь одно сердце – сердце короля Генриха VIII.

По свидетельству хрониста Эдварда Холла, скакун короля был накрыт серебряным полотном, расшитым золотыми

¹ Праздник, знаменующий начало Великого поста в католической и англиканской церкви. – *Прим. ред.*

буквами. Его эмблема изображала «израненное сердце мужчины», а девиз гласил: Elle mon coeur a navra¹. Любящего мужчину возвеличивали чувства к даме, державшей его на расстоянии, — это было старинное пристрастие к возвышающему страданию, которое с давних времен всецело подчинило воображение аристократов Европы. Неудивительно, что в более позднюю эпоху такую любовь прозвали «куртуазной» — то есть придворной. Столь же неудивительно, что Тюдоры — эта цепкая, хваткая, изощренная династия — предали куртуазной любви с особым пылом.

Основатель династии Генрих VII использовал легенды о короле Артуре и рыцарские штампы, чтобы обосновать вступление Тюдоров в королевский клуб. Генрих VIII считал куртуазную любовь оправданием своей весьма бурной брачной жизни. А дочь Генриха VIII Елизавета в конце концов преобразила образ куртуазной любви, чтобы подарить голос своей противоречивой женской монархии.

Ритуал рыцарского турнира с его тщательно отрепетированным боевым спектаклем олицетворял всю пышность тюдоровского двора. В мире, где одним из важнейших атрибутов монарха было королевское «величие», ключевую роль играла культура парадности, подчас доходившей до притворства. Драматизм присутствовал во всем. На пиршестве сама еда была призвана скорее удивлять, чем удовлетворять голод: по залу описывал торжественный круг то запеченный павлин с хвостом из собственных перьев, то мифическое существо «кокотрис» (передняя часть петуха соединялась с задней частью свиньи). Гости с нетерпением предвкушали, какими изощренными фантазиями поразят их воображение на этот раз, и отдавали должное хозяевам возгласами восторга и изумления.

¹ Она ранила мне сердце (фр.). — Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

В тот Прощеный вторник, после рыцарского турнира, главный советник Генриха, кардинал Уолси, устроил званый ужин в честь короля, его придворных и послов. Йорк-Плейс (позднее — дворец Уайтхолл), огромное лондонское имение Уолси, являл собой настоящее воплощение роскоши и расточительности. Очевидцы свидетельствовали, что в коллекции Уолси было столько баснословно дорогих гобеленов, что он мог полностью обновлять убранство дворцовых стен каждую неделю. Библейские сцены изображались на них столь же колоритно (во всех смыслах), как и сюжеты античной мифологии; сцены из повседневной жизни — охота и сбор урожая, любовные утехы и игра на лютне — переосмысливались и превращались в безвременные исторические картины. (Величайший гобелен, известный как «Триумф целомудрия над любовью» и восходящий к поэме Петрарки, по иронии судьбы в итоге оказался в коллекции короля.)

Во время трапезы бесконечное разнообразие мясных блюд сменялось изобилием овощных салатов и сыров. В конце концов, на подходе была унылая пора Великого поста, как бы искусно повара короля и кардинала ни умели готовить угрей, вяленую треску, морскую и пресноводную рыбу. Дальше гостей провожали в огромный зал, украшенный ветвями деревьев и дорогими восковыми свечами.

В глубине зала стоял зеленый деревянный замок — одна из тех роскошных причуд, которым суждено прожить всего один вечер и в которых так преуспел двор Тюдоров. Длинные списки королевской отчетности содержат детальные описания расходов на эти короткие, но полные драматизма постановки: на блески и костюмы, на древесину и плотницкие работы. Всего несколько лет спустя в течение нескольких недель двор восхищался военным оснащением еще одного подобного замка-обманки, с восторгом постановив, что его «невозможно взять натиском,

только измором». Современным эквивалентом таких представлений можно считать сценографию театральной постановки или павильон для кинопроизводства¹. Но происходило это за полвека до того, как на Британских островах, в Лондоне, был построен первый театр. И хотя в церемониях и народных зрелищах того времени преуспевала в первую очередь церковь, для того чтобы принять новую, светскую религию рыцарства, нельзя было придумать лучшей сцены, чем королевский двор.

Замок венчали три башни, над каждой из которых развевалось знамя: на первом было изображено три повергнутых сердца, на втором — женщина, сжимающая в руке сердце мужчины, а на третьем — дама, крутящая мужское сердце в руках. Замок был одной из зрелищных «маскировок», олицетворявших либо опасность, от которой дам нужно спасать, либо само сердце дамы. Дамы, которые защищали крепость, выбрасывая из нее розы, фигурировали и в средневековом бестселлере о куртуазной любви — «Романе о Розе». Три башни замка занимали восемь женщин, одетых в белый атлас с вышитыми золотом именами: Красота и Честь, Милосердие и Щедрость, Постоянство и Упорство, Доброта и Сострадание — именно такими качествами должна была обладать идеальная галантная дама. Такие «живые картины» можно считать домашним эквивалентом рыцарского турнира — той же ареной для соревнований и демонстрации умений — с той только разницей, что главная роль здесь отводилась женщинам.

¹ Много лет назад, работая киножурналистом, я попала на съемочную площадку фильма «Храброе сердце» (Braveheart). Снимали ночную сцену, и руины какого-то ирландского замка играли роль английской крепости, подвергнутой жестокой осаде. Что мне запомнилось наиболее ярко, так это то, что отличить поддельные стены, созданные командой бутафоров из пластика, от настоящих древних каменных стен можно было, только постучав пальцами по поверхности. — *Прим. авт.*

Перед замком, как комичные карикатуры, стояли еще восемь «дам» (мальчишки-певчие из Королевской часовни, разряженные в «индийские» одежды) с такими именами, как Надменность и Ревность, Презрение и Черствость. Они замерли, готовые защищать Château Vert¹. Потом в зале появились маски: переодетые лорды в золотых шляпах и синих накидках с именами, олицетворяющими рыцарские добродетели: Благородство, Юность, Верность, Учтивость. Их представитель, Страстное желание, был одет «с ног до головы в алый атлас с узором из горящих золотых факелов». Рыцари умоляли дам спуститься к ним, но Презрение и Надменность ответили отказом, и тогда Страстное желание отдал приказ к атаке.

За пределами здания раздалась залпы из настоящих пушек, и рыцари обстреляли замок финиками и апельсинами. Дамы нанесли ответный удар розовой водой и леденцами (а у поддельных дам — Презрения и компании — в ход пошли «банты и шары»). Но вот «наконец крепость пала». Презрение и Надменность спаслись бегством, а лорды схватили «благородных дам» под руки и свели их вниз из башен замка, после чего те и другие «вместе исполнили прелестнейший танец». Продуманные па придворного танца соответствовали тщательно спланированным этапам любовной игры, напоминавшим ходы в любой игре на удачу или ловкость. Преуспевающий куртье — будь то мужчина или женщина — должен был демонстрировать мастерство во всем, в том числе в *luf talk* — галантном языке любви.

Но кто та самая дама, которой удалось на этом замысловатом празднестве пронзить сердце Генриха стрелой любви? Это должна была быть законная жена Генриха, Екатерина Арагонская, с чьей лентой он так часто выступал на рыцарских турнирах. В конце концов, прием был

¹ Зеленый замок (*фр.*).

специально организован в честь послов ее королевского дома. Но Екатерина, приближаясь к 40 годам и выходу из детородного возраста, старела понемногу, со степенным благородством, омраченным лишь горьким сознанием того, что она так и не подарила Генриху жизнеспособного сына.

Той дамой могла быть и Мария Болейн, ставшая любовницей короля благодаря своему очарованию и покладистому характеру. И лишь задним числом можно отметить, что на празднестве (и это станет ее первым засвидетельствованным появлением при английском дворе) присутствовала еще одна дама, которая войдет в историю. Брюнетка, отнюдь не слышавшая красавицей, но, подобно драгоценному камню, отшлифованная до яркого блеска в юности, которую провела при нескольких европейских дворах. Искусная актриса и меткая лучница, чьи стрелы угодили прямо в сердце Генриха, которая, однако, сама пала жертвой куртуазных причуд.

На исходе вечера гостей ждал пир: кульминация изысканного показательного выступления. Заварные пирожные и цукаты, позолоченные пряники и ароматизированные вина — но сначала актеры сняли маски. Никто из гостей не удивился (как бы искусно они ни изображали изумление) тому, что предводителем лордов оказался сам король Генрих. За маской Красоты скрывалась его сестра, Мария Тюдор. Доброту, как нетрудно догадаться, играла Мария Болейн. Маска Постоянства принадлежала Джейн Паркер, которая вскоре выйдет замуж за брата Марии, Джорджа Болейна, а маска Упорства — их сестре, той самой новенькой при дворе, искусной исполнительнице куртуазного спектакля... звали ее Анна Болейн.

Предисловие

Эта книга повествует о том, как любили Тюдоры — династия, чьи смертельные драмы опровергают мнение, что они были одержимы идеей любви. Династия, в которой последний отблеск Средневековья отразился столь же ярко, насколько забрезжил современный мир, где станет нормой брак по любви (наряду с быстрыми углеводами, денежной экономикой и конституционной монархией).

Однако эта книга посвящена еще и истории куртуазной любви — неуловимого, но всепроникающего идеала, который доминировал в истории европейской мысли в течение многих веков. Именно в этом феномене кроются ответы на самые интригующие вопросы о династии Тюдоров. Зачем Генрих VIII женился шесть раз? Почему Анне Болейн суждено было умереть? Почему фавориты Елизаветы I — Лестер, Хэттон, Рэли и другие — чествовали ее как богиню, сошедшую с небес?

Взгляд на сагу о Тюдорах сквозь призму куртуазной любви как ничто другое проливает свет на самую экстравагантную королевскую династию Англии. Но чтобы отыскать корни этой иллюзии, нужно исследовать период,

предшествующий эпохе Тюдоров, — отправиться еще на 300 лет назад. Только восстановив контекст прошлого — далекого прошлого даже для самих Тюдоров, — можно по-новому взглянуть на события, которые могут показаться странными или необъяснимыми, если рассматривать их исключительно с перспективы дня сегодняшнего.

Именно кодекс куртуазной любви сделал возможными столь длительные ухаживания Генриха VIII за Анной Болейн, и в конце концов, вероятно, именно он стал причиной ее падения. Увлечение Анной — своего рода профессиональный риск для всех, кто изучает историю Тюдоров. В процессе работы над этой книгой я поймала себя на том, что вьюсь вокруг нее, как осторожный охотник, в страхе, что сам мой энтузиазм интереса заставит добычу насторожиться и ускользнуть. Однако при всем бесконечном многообразии мнений и теорий о фигуре Анны настоящей ересью для ее истинных сторонников будет утверждение, что ее удивительная судьба — лишь одна из глав очень долгой истории.

То же самое куртуазное вероучение — обновленное и переосмысленное — сыграет незаменимую роль в становлении суверенитета дочери Анны, королевы Елизаветы. В период ее правления эта идея, по всей видимости, издаст последний вздох. Но изучение Тюдоров сквозь куртуазную оптику не только открывает нам новый угол зрения на хорошо известные сюжеты, но и придает новую значимость, к примеру, истории племянницы Генриха, леди Маргариты Дуглас, и так называемой Девонширской рукописи — сборника стихотворений, с помощью которых она общалась со своими друзьями. Куртуазная оптика также проливает новый свет на фигуру сестры Генриха, Марии, на поздние браки Генриха и даже, вероятно, на историю его зятя, короля Испании Филиппа II. Она дает и некоторое понимание максимально запутанной и по-

этому малоизученной связи Елизаветы с графом Эссекским в последние годы ее жизни, хотя к этому времени куртуазные идеи приняли вид несколько искаженный.

Помните, какой восторг в детстве вызывал у нас калейдоскоп? Когда впервые его встряхиваешь, подносишь к глазам и наблюдаешь, как крошечные цветные частицы по волшебству складываются в идеальный узор. Примерно таким же образом идея куртуазной любви становится ключом или кодом для большинства любовных союзов, сформировавших XVI век. Я заканчивала эту книгу на фоне глобальной пандемии и переживания тяжелой личной утраты. Но мне придавала сил мысль, что еще никогда на протяжении 20 лет исследования тюдоровской эпохи у меня не было такого сильного ощущения, что эта история *хочет*, чтобы ее поведали миру.

Куртуазная любовь зарождалась как литературная фантазия — элегантная стилизованная игра, достаточно прорывная, чтобы захватить воображение интеллектуалов, и достаточно масштабная, чтобы в нее ударились широкие массы, лишь смутно постигавшие ее тонкости. В центре этой фантазии находился образ любящего рыцаря, обязанного служить своей даме, — служить, если нужно, без надежды на вознаграждение, поскольку нередко его возлюбленная была замужем за другим или имела более высокое положение в обществе, чем он.

Фантазия совершенно не соответствовала реальности, поскольку дело происходило во времена, когда по закону женщины были вынуждены во всем подчиняться мужчинам, а брак между аристократами оставался лишь вопросом родительских договоренностей, передачи права собственности, династического продвижения и политической необходимости. Но несмотря на это — а может быть, именно благодаря этому, — власть куртуазной фанта-

зии над сердцами и умами европейской элиты очень долго не утрачивала силу. Идее куртуазной любви очень быстро стало тесно в рамках литературы. В конце концов, нам ли в наш век фейковых новостей не знать, что в этом мире нет ничего мощнее интересной истории.

Мечта о куртуазной любви родилась из реальной человеческой потребности: люди были недовольны жесткими ограничениями, которые церковь и государство стремились наложить на область человеческих привязанностей и чувственности. Если правила твердят нам, что брак относится к сфере прагматизма и политики, если удовлетворение полового влечения допустимо лишь в целях деторождения, почему бы нам самим не изобрести законы альтернативной, более приемлемой реальности? Прежде чем стать основой для любовных представлений династии Тюдоров, это мощное воображаемое строение уже простояло более трех столетий. И вполне могло пережить их самих.

Обычно, если в названии книги фигурирует слово «любовь», хочется держаться от этой книги подальше. За таким названием может легко скрываться шоколадный кекс с затхлым запахом фиалкового крема. Тема куртуазной любви, напротив, вызывает живейший интерес своей неоднозначностью. Знаменитый медиевист и автор «Хроник Нарнии» К. С. Льюис в своей программной работе 1936 года «Аллегория любви» характеризовал куртуазную любовь как многовековую силу, в сравнении с которой «Ренессанс — легкая рябь на поверхности литературы»¹. Тем не менее само ее существование за пределами чисто литературной игры ставится под сомнение многими современными историками. В 1968 году, в эпоху, которая гордилась тем, что стряхнула завесу с вопросов сексуаль-

¹ Цит. по: Льюис К. С. Избранные работы по истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 24.

ности, Д. У. Робертсон сетовал, что концепции куртуазной любви недостает интеллектуального веса, а некоторые его коллеги «преподают средневековые тексты под мелодии группы Hearts and Flowers¹». И многие с ним соглашались — хотя на самом деле сага о куртуазной любви среди прочего повествует о крайних формах насилия, одержимости и эмоциональной жестокости².

Мало кто сегодня мог бы предположить — а это игриво изображали литераторы XII века и дотошно исследовали ученые много столетий спустя, — что Алиенора Аквитанская и ее современницы председательствовали в настоящих «судах любви», пытаясь найти ответ на сложный вопрос, может ли любовь, то есть чувство, существующее по свободному велению сердца, в принципе существовать в рамках повседневной рутины супружества. Но отвергнуть эмоциональную силу концепции, лежащей в основе художественной жизни четырех столетий, значит лишить себя доступа к целому спектру переживаний. (Не говоря уже о роли куртуазной любви во возвращении широких представлений о романтической любви, которые до сих пор господствуют в общественном сознании.) Такое лишение самих себя права голоса представляется особенно странным решением на фоне того, как — отчасти из-за пандемии COVID-19 — мир то съеживается, то распахивается перед нами в зависимости от наших собственных пред-

¹ Hearts & Flowers (*англ.* Сердца и цветы) — американская фолк-роковая группа из Лос-Анджелеса, в которой начиналась карьера Берни Лидона, в будущем участника знаменитых Eagles. Группа играла в конце 1960-х годов, во времена сексуальной революции и субкультуры хиппи — «детей цветов».

² Скептики утверждают, что за пределами книжных страниц никаких свидетельств бытования куртуазной любви не существует. Я же надеюсь доказать, что свидетельства есть — их просто искали не в том веке. — *Прим. авт.*

ставлений о нем, независимо от шума и суеты внешней реальности.

Принципы, которыми руководствовались Тюдоры, и их эмоции заслуживают изучения не меньше, чем законы, которые они принимали, и битвы, в которых сражались. Возможно, некоторый скептицизм по отношению к куртуазной любви объясняет тот факт, что она, по крайней мере теоретически, ставила женщин выше мужчин, да и в целом эмоциональная сфера традиционно считалась чисто женской прерогативой. Другие подходы к тюдоровской или средневековой истории — военный, дипломатический, юридический, конституционный — неизбежно тяготеют к выдвиганию на первый план опыта мужчин, которые вели войны и принимали законы.

Биографический подход нередко акцентирует внимание на историях нескольких выдающихся женщин, чья жизнь достаточно подробно описана. Но таким описаниям зачастую недостает информации о внутренней жизни героини, которая остается для нас такой же двухмерной, как иллюстрация в старинной рукописи. Несколько лет назад в процессе работы над книгой «Сестры по крови: женщины, стоящие за Войной Алой и Белой розы» (*Blood Sisters: The Women Behind the Wars of the Roses*) меня болезненно поразила история Сесилии Невилл — матери Эдуарда IV и Ричарда III. Хотя нам известно, что ей пришлось стать свидетельницей казни одного из ее сыновей, герцога Кларенса, по приказу другого сына, а третьего подозревали в убийстве ее внуков, Тауэрских принцев, мы не располагаем никакими свидетельствами о том, что она по этому поводу думала или чувствовала, на чьей была стороне. Вероятно, одна из причин нашего непреходящего увлечения Тюдорами заключается в том, что для их эпохи острый дефицит доступных исторических источников внезапно сменяется обильным пиршеством: это позволяет нам не чувствовать себя жертвами досадной неопределенности.

Вместо того чтобы подвергать сомнению обоснованность идеи о куртуазной любви, лучше поразмыслить о ее пользе — прежде всего, для самой династии Тюдоров, воспользовавшихся старыми историями, чтобы укрепить доверие к новому режиму. И хотя, оглядываясь назад, мы можем заключить, что они положили начало современной эпохе, сами Тюдоры страстно желали изобразить себя легитимными наследниками долгой и благородной традиции средневековой монархии. Какими бы перспективными новшествами ни отличалось правление Генриха или Елизаветы, монета, которую они разыгрывали, — именно прошлое, а не будущее. Куртуазные идеи были полезны и для женщин, изо всех сил пытавшихся найти свое место в авантюрном XVI веке и жадно державшихся за кодекс, который, казалось, дарил им не только автономию, но и превосходство.

Сегодня изучение куртуазного кодекса полезно еще и для тех, кто стремится проникнуть в сознание средневекового человека. Оно дает нам редкую возможность говорить с Тюдорами на равных, наслаждаясь одними и теми же произведениями исторической беллетристики. Они, как и мы сегодня, были потребителями куртуазных фантазий. До нас не дошло ни одной иллюстрации осады Зеленого замка на пиршестве 1522 года, но мы можем составить представление о ярком образе, который вдохновил его создателей.

На 300 с лишним великолепно иллюминированных пергаментных листах Псалтыря Латтрелла, созданного по заказу благородного господина из Линкольншира в первой половине XIV века, группа безвестных иллюстраторов, дав волю воображению, изобразила идеализированные сцены повседневной жизни, размышления о карьере и рыцарстве сэра Джеффри Латтрелла и странные фигуры полулюдей-полуживотных, с помощью которых Средне-

вековье выражало темную сторону своих догматов. Среди прочего художники изобразили и осаду Замка любви: образ, уходящий корнями в башни и форты неприступного целомудрия Девы Марии. Пока рыцари в позолоченных доспехах деловито пытаются взобраться на стены башни, укрывшиеся в ней дамы энергично (хоть и не очень эффективно) защищаются, сбрасывая из башни цветы. Создается впечатление, что рыцарям не составит труда взять этот замок. Но вот следует ли им это делать... Именно этот вопрос отражал суть куртуазной идеи, хоть и казалось, что к XVI веку он уже разрешился в пользу мужчин.

Осада Замка любви – это образ, скорее взывающий к фантазии, чем призванный отражать реальность. Столетие спустя появится еще один образ, который, на мой взгляд, послужит той же самой цели. На одной из створок так называемого триптиха Верля, созданного в Кёльне в 1430-х годах, а сегодня хранящегося в мадридском музее Прадо, предположительно, изображена святая Варвара за чтением. (Средневековые изображения читающих женщин-святых встречаются на удивление часто, что, конечно, внушает оптимизм.) Поглощенная книгой, одетая в роскошную, но удобную одежду, она восседает на пышных подушках, рядом с ней в вазе стоит ирис, а за спиной в камине горит огонь. Окно ее комнаты открыто, за ним в отдалении видна строящаяся башня – место ее будущего заточения. Именно по этой детали можно идентифицировать девушку как святую Варвару, чей отец-язычник запер ее в башне, тщетно пытаясь уберечь от пагубного влияния кавалеров и христианства.

Мы можем предположить, что книга, которую девушка поднесла к лицу, посвящена христианской теологии, но при этом и книга, и открытое окно символизируют воображение, отпущенное на волю. Напрашивается параллель с современным миром, но это одна из ловушек,

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басмалық

Гриствуд Сара

ТЮДОРЫ: ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

Как любовь создала и привела к закату
самую знаменитую династию Средневековья

Ответственный редактор *М. Терехова*
Выпускающий редактор *Е. Солодовникова*
Дизайн обложки *А. Коннов*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *В. Алексина, А. Сухарева*
Компьютерная верстка *В. Брызгаловой*

В оформлении обложки использованы портрет Генриха VIII (Ганс Гольбейн Младший, ок. 1537 г., музей Тиссена-Борнемисы); портрет королевы Елизаветы I (Николас Хиллиард, ок. 1573–1575 гг., галерея искусств Уокера); портрет Марии Стюарт (автор неизвестен, 1578 г., Национальная портретная галерея); портрет Эдуарда VI (Уильям Скротс, ок. 1547–1553 гг.); «Процессия Елизаветы I» (Роберт Пик Старший, ок. 1600–1603 гг.); иллюстрация геральдической розы Тюдоров © Wikimedia Commons / CC BY-SA 3.0; «Королева Елизавета и Лестер» (Уильям Фредерик Йимз, 1865 г., Лондонский музей изобразительных искусств); иллюстрации Shutterstock.com: © Quang Ho; © AcantStudio; © WawroDesign; © Polina Raulina

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.07.2024.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура «NewBaskervilleITC».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,38.
Тираж 2000 экз. М-НПЕ-31748-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «КоЛибри» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «КоЛибри» тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басмалының сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Заказ информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+